

СЕРДЦЕ АГАДИЛА

20 октября. 1940 года. Спозаранку, когда огромное солнце, спешно выскочив из-за барханов Мойынкумов, разрезая своим раскаленным докрасна диском низкие тучи, карабкалось ввысь, по главной улице небольшого аула Карасу начал медленно выходить небольшой обоз из трех пароконных арб-коробок. Выходил он шумно – стуком кованых железом деревянных колес о затвердевшую прохладной осенней ночью землю, разноголосьем людей, собачьим лаем, звучащим на сей раз, как ни странно, не злобно, а довольно ласково и даже стыдливо. Обычно в обозах, начиная с самой знойной поры лета – шильде, до самой осени колхозники возили зерно на станцию Акшолок, нередко с плакатом – трехметровой красной материей с надписью белой меловой пастой «Хлеб – Родине!» Но в этот раз на арбах находились только люди: и стар, и млад. А сколько их, несмотря на ранний час, стояло возле рядов аккуратно побеленных домов-кибиток на обочине дороги! Были среди них и малыши, утирающие чумазыми пухлыми кулачками еще сонные глаза. Позади обоза медленными, но твердыми шагами шел молодой человек лет двадцати. Он был выше среднего роста, широкоплечий, с крупными чертами смугловатого лица, со спокойными карими глазами. На нем были фуражка, полувоенная гимнастерка подпоясанная широким ремнем, и брюки синего цвета, заправленные в новые скрипучие хромовые сапоги.

Белобородые старики и старушки в белоснежных кимешеках и кундиках-чалмах поверх них целовали парня в лоб и щеки, а молодые, обнимая, хлопали по плечам и пожимали руки. У всех на устах были добрые пожелания.

- Аман барып, сау кайт, айналайын!..
- Будь здоровым, счастливого возвращения тебе, дорогой!
- Служи Родине и товарищу Сталину как полагается!
- Не забывай нас, пиши почаще... До встречи в родном Карасу!..

Эти слова, отзываясь эхом, летели вслед за обозом до тех пор, пока он спускался в широкий овраг, обрамляющий озеро Карасу с его камышовыми зарослями. Только тогда сел в арбу молодой человек, к которому были обращены добрые пожелания целого аула. Это был Агадил, младший сын покойного муллы Суханбая, секретарь комсомольской организации колхоза «Карасу», призванный на действительную службу в ряды Красной Армии. В последней телеге уже находились его задушевные друзья Сулеймен, Бекжасар и Ашим, а из девушек – Нукеш и... Айтай. Рослая, тонкая как тополек, светлолицая, с едва заметными крапинками веснушек и ласковыми зелеными глазами Айтай была его невестой. Дружили они давно, и между родителями была даже договоренность справить их свадьбу нынешней осенью, когда в колхозе завершится уборочная...

Минувшей ночью, после вечеринки, Агадил и Айтай еще долго не могли расстаться. До самого рассвета они то бродили, то сидели на берегу Карасу, луга которого до самой зимы не теряют свой зеленый наряд. Грустно было обоим, но особенно Айтай. Иногда тревожные чувства окатывали девушку тяжелой, тугой

волной, вызывая во всем теле мелкую дрожь. Тогда он, крепко обняв ее и без конца целуя, шептал бессвязные слова и время от времени нежно утирать горячие слезы с ее глаз, стараясь успокоить, хотя самому было очень и очень беспокойно, и что-то скребло и жалило сердце.

– Не переживай, милая... Ты будешь всегда рядом, будешь видеть меня...

– Как это?.. – удивленно спросила Айтай.

– Да очень просто. Тебя ведь зовут Айтай.

А значит ты, как Луна, всегда будешь там, где я буду служить. Будешь то полнеть, то утончаться, превращаясь в месяц. Но это будешь ты. И я буду глядеть на тебя, а ты – на меня, любимая!..

– А как же быть в безлунные ночи? – улыбувшись спросила Айтай.

– Чем же будут заниматься наши сердца в темные ночи? Конечно, будут каждый свой удар посвящать друг другу: мое – тебе, твое – мне!

– Ты прав, Агадил мой... Сердце мое принадлежит только тебе... Буду ждать тебя столько, сколько понадобится...

И вот она, Айтай, тоже провожает его в дальний путь... О, сколько любви и нежности в ее прекрасных глазах!.. Разве это не счастье для него?! Да, да, конечно же... Вечная благодарность тебе, милая моя!.. Цепь этих сладчайших мыслей Агадила прервал резкий громкий звук гармошки Ашима. После первых же аккордов все дружным хором затянули народную песню, возможно, рожденную в их родных краях.

– Біздің ауыл Қарасу жағасында-а-ай,
Ал Қарасу тау мен құм арасында-а-ай.

«Наш аул на берегах Карасу, а Карасу меж гор и песков... И ты, молодость, расцветшая в этих краях, неужели так быстро покинешь нас?!» – говорилось в этой задушевной песне, которую пела молодежь под аккомпанемент Ашима.

Когда через километра три-четыре проселочная дорога с глубокой колеей от колес арб, начала огибать соседний аул «Фрунзе», Агадил, прервав песню, обратился к друзьям:

– Давайте-ка, ребята, если, конечно же, разрешит моя Айтай, я перейду в арбу Абдираша. Надо немного развеселить мать, а то она так загрустила, будто я направляюсь не в армию, а куда-то в неведомое...

– Да, да, иди, Агадил, – тихо сказала Айтай, мягко пожимая его ладонь...

В той арбе, засланной кошмой и корпе на несколько человек, находилась Тойтан апа, крупная старушка, со смуглым лицом, большими узловатыми, шершавыми ладонями, с мягким глуховатым голосом. Подле нее Нуралбай, старший брат Агадила, ширококостный солидный мужчина лет сорока, с черными усами, очень похожий как на мать так и на Агадила, рядом с ним сидела его жена красавица Асель, еще и Дамен, родственница Суханбаевых. Арбой управлял подросток Абдираш, сын Нуралбая.

Агадил знал, что творится в сердце матери после недавних похорон Молдаша в ауле «Дихан-1». Молдаш – ровесник и соклассник Агадила, участник войны с белофиннами, спустя дней двадцать после возвращения домой, скончался от ран,

*Красноармеец А. Суханбаев.
1940 г. Томск*

полученных в финских лесах. До него, проболев пару дней, умер его годовалый сын. В семье остались старый отец Абдрахман и мать Сулу, и теперь уже ставшая вдовой Киякуль. «О, Аллах, как же им, бедным, теперь?! – охала мать. – А как жили они счастливо всего год тому назад?!. Теперь-то рушится домашний очаг.. без продолжателя рода...». Тяжело переживал случившееся и Агадил. «Ну вот, и оборвался его короткий жизненный путь на этом бесконечном белом свете, – с горечью думал он. – А всем виновата эта проклятая война!.. Разве не говорил товарищ Сталин, что мы ни на кого не собираемся нападать, что нам не надо чужой земли, но и своей мы не отдадим ни пяди?! Тогда за что же ты погиб, Молдаш, дорогой мой Молдаш?..»

Через нескольких дней почтальон Койлыбай вручил Тойтан, она в тот момент была в доме одна, какой-то клочок бумаги, исписанный печатными буквами.

– Что это такое? – поинтересовалась она.

– Пауске, – ответил почтальон, сказав слово «повестка». – Военкомат зовет Агадила, сына твоего.

– Куда? – с тревогой в голосе спросила Тойтан.

– В армию, конечно. Куда же еще...

У Тойтан бессильно опустились руки, и ее взгляд устремился куда-то вдаль.

– Не расстраивайтесь, байбише. Отслужит положенное и вернется настоящим жигитом. Вам надо гордиться, что вырастили такого сына... – с этими словами почтальон тронул своего тихоходного гнедого, а перед мысленным взором Тойтан почему-то предстала вся семья Молдаша, и ее охватила какая-то доселе незнакомая, тяжелая тревога...

Сейчас, когда до расставания оставались считанные часы, единственным желанием Агадила было хоть как-то утешить, успокоить сердце матери.

– Апа, неспроста же поют русские об оренбургском пуховом платке. Видимо, они уж очень хорошие. Хотите, чтобы я привез такой? – спросил Агадил, коснувшись лицом лица матери. – Хотите, а?

– Хочу, чтобы ты вернулся в добром здравии. Можно и без платка, душа моя. – Она, чуть улыбаясь, продолжила: – Козьего пуха и у нас немало. А если все-таки привезешь, то мы накинem его на голову Айтай, невестушки нашей!..

– Ну, конечно же, все так и будет, как вы пожелаете, апа.

– Дай, Аллах. А... а... тот самый... – мать задумалась, усиленно стараясь вспомнить кого-то. – Фу, забыла окаянного... Тот, который воюет со всеми соседями, не тронет нас?

– Нет, апа, – включился в разговор Нурулбай. – С ним есть у нас договор о непадении? Ну, ты не трогай нас, а мы тебя.

– А он, раз такой вояка, не нарушит свое слово?

– Ой, апа, зачем вам голову ломать?! Ведь сам товарищ Сталин ясно сказал: войны не будет. Теперь вам понятно?

– Понятно, сынок. Дай-то бог, – ответила она, хотя в голосе ее все еще были слышны нотки тревоги, которая с этого момента прочно поселилась в ее душе...

Дальше разговор шел о домашнем хозяйстве, на что тратить деньги, излишек зерна, сахара, которые семья в конце года за трудодни получит от колхоза, и не начать ли по весне строить новый дом для будущей молодой семьи и так далее...

Когда обоз стал приближаться к аулам Кокбастау и Тегистык, две задние арбы, на которых расположилась молодежь, с песней и криками обогнали всех и устремились к туда, где дорога постепенно, с еле заметным уклоном поднималась вверх к Тёсу. Тёс означает «Грудь», если перевести на русский. В самом деле, широкая

холмистая долина, возвышающаяся над степью, напоминала чем-то грудь сказочного богатыря. На самом высоком месте чернел холмик, который с приближением к нему, постепенно увеличиваясь, превратился в старый глинистый, местами порушенный курган. Когда обоз поравнялись с ним, Нуралбай велел Абдрашу остановить арбу.

– Всем слезать, кроме Тойтан апа... Я буду читать молитву, – сказал Нуралбай.

Когда все собрались, он обратился к младшему брату:

– Чей это курган, знаешь?

– А как же. Байзак-датки, – ответил Агадил.

Да, этот старый курган был своего рода памятником одному из видных предводителей казахов старшего жуза в середине XIX века, вождя восстания против кокандского ига. Хитрый враг подлым образом заманил Байзак-датка в Шымкент. Зарубив саблями, они выстрелом из пушки рассеяли его останки. Один из его джигитов, чудом спасшийся, привез только мизинец народного вождя, а народ в Тёсе захоронил его и возвёл над ним этот курган... С тех пор прошло почти восемь десятков лет. На память народная не дает порастить травой дорогу, ведущую к этому скромному кургану.

«Вот насколько высоко ценили люди во все времена свою свободу и борцов за нее. И как это справедливо!» – подвел итог своим размышлениям Агадил. Когда все после молитвы уже направились к арбе, он продолжал стоять, глядя на север, на открывающуюся взору живописную панораму родного края. У самого горизонта, слегка раскачиваясь на волнах миража, темно-рыжей полосой лежали барханы Мойынкумов, прямо на границе темнел своими тополями аул Кокозек, а за желтой долиной убранных хлебов расположился родной Карасу со множеством белых небольших домов. Кстати, они стали белыми только с прошлого года, когда Агадил мобилизовал всех комсомольцев на побелку и за пару дней аул преобразился. А вот и зеркально-чистое озеро Карасу, растянувшееся от Тёсе до Кокозека. На западном берегу его большое село Буденновка, за ним аулы «Дихан-1» и «Акжар». А вот и красавец Талас, тянущийся на западе темно-синей лентой до самого горизонта, в обе стороны от его отходят девять каналов, которые начали строить еще в XVIII веке. Самый первый – Самбет тогана – протянул прапрадед Агадила – Хосы-батыр, герой казахско-джунгарской войны, а остальные – знаменитый Байзак-датка и его родня Базарбай, Торегельды, Темирбек и другие. Все они и воевали, и кормили свой народ... Потомки продолжили их дела... «Мы наш, мы новый мир построим!» – пели они хором «Интернационал». В самом деле, уже было построено очень много, и мир изменялся у них на глазах. На мгновение Агадил представил себе, как в наступившей ночи над всеми аулами, расположенными по берегам Таласа и Карасу, словно тысячи тысяч небесных светил, зажглись электрические лампочки, жемчужным ожерельем украсив грудь родного края... «Да, мы новый мир построим. Обязательно построим... А пока... пока прощай, до свидания, край мой родной!..» Сердце Агадила учащенно билось, и он, окрыленный и взволнованный этими мыслями, повернулся и шагнул вперед. Но тогда ни он сам, ни его родные и друзья, собравшиеся на проводы, не знали, что это был шаг навстречу к вечной славе и бессмертию...

* * *

Самая великая и кровопролитная война в истории человечества, охватившая всю Европу, Северную Африку и Восточную Азию, к концу 1943 года казалось бы прошла свой апогей. Но тем не менее, еще больше, в невиданном доселе масштабе усилился ее огненный смерч. Весной 1944 года Верховной Главнокомандование

поставило стратегическую задачу силами четырех фронтов разгромить группу армий «Центр». Белорусской операция получила кодовое название «Багратион». Решение этой задачи дало бы возможность изгнать фашистов с белорусской земли и восточной части Польши. Начавшаяся после тщательной подготовки, операция «Багратион» охватила огромную территорию – более 1200 километров по фронту и до 600 километров в глубину. На этих огненных просторах, где советской армии пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением миллионной армии врага главным было все же Минское направление, на острие которого находился 2-й Белорусский фронт и в числе других его 31-я армия. В 628-м Краснознаменном полку 174-й Борисовской Краснознаменной стрелковой дивизии этой армии воевал и Агадил Суханбаев. Начиная службу в сибирском городе Томск в относительно мирное время, осенью 1940 года он встретил войну хорошо обученным, умелым бойцом и с честью прошел через все испытания военного лихолетия. И теперь во взрослом мужчине, крупного телосложения, со сдержанным, если не сказать угрюмым, характером, трудно было узнать улыбчивого, жизнерадостного комсомольского вожака. В его лице появились строгие, жесткие черты, а меж коротко остриженных черных волос уже прибавалась преждевременная седина... Да, нелегко давалась и ему, командиру отделения второй роты первого батальона, фронтовая жизнь. Через что только не довелось им пройти – дождь и снег, мороз и зной, гарь и смрад, мокрые и холодные окопы и траншеи, словом, все «прелести» войны, не говоря уже о постоянно подстерегающей тебя, высматривающей тебя смерти и... смутном страхе... Помнится, однажды на вопрос самого молодого в отделении бойца, белорусского паренька Миши Лобацевича «А вы не боитесь?» ему пришлось ответить таким же вопросом: «Неужели, Миша, ты думаешь, что у меня нет души, а?..»

Страх... это одно дело... придет и уйдет, в зависимости от обстоятельств. А вот к смерти Агадил никак не мог привыкнуть. Только что разговаривавший, смеявшийся, евший с тобой из одного котелка кашу однополчанин вдруг... покоится в братской могиле или, в лучшем случае, становится отдельным свежим холмиком под красной звездой... Он понимал чудовищную неизбежность многого из происходящего вокруг, но принять душой не мог. Особенно тяжело Агадил переживал то, когда их часть несколько раз попадала в окружение и их товарищи, получив контузию или ранение, вдруг оказывались в плену. А еще его постоянно тяготила невозможность подать весточку о себе, хоть одним словом... матери, родным, друзьям... и Айтай... Он всем своим существом чувствовал их неизбывные душевные муки, рожденные бесконечно долгим ожиданием писем... И каким огромным было счастье Агадила, когда он получил первое ответное письмо из родного аула, от Айтай! Оно подарило ему много добрых вестей... и желанную любовь. Агадил между боями десятки раз перечитывал его и нередко нюхал, пытаясь уловить запах родного аула, запах Айтай...

Между тем операция «Багратион» успешно развивалась. К концу дня 3 июля гитлеровская 4-я армия, удерживавшая Минск, была почти полностью разгромлена. В плену оказалось более 100 тысяч человек боевого состава. Столица Белоруссии была освобождена. Но город лежат в руинах.

Случилось так, что в числе стрелковых частей и соединений, следовавших за 5-й танковой гвардейской армией маршала бронетанковых войск Ротмистрова, которая вошла в Минск с севера, оказался и 628-й полк. Он расположился на западной окраине города. Тут-то и прибежал к Агадилу раскрасневшийся от волнения Михаил. «Товарищ командир, – обратился он, – наш дом в двухстах метрах отсюда

Разрешите мне сбегать?» Приятно удивленный Суханбаев с разрешения комвзвода со всем составом отделения проследовал за боевым товарищем. А отделение было настоящим интернационалом: казах, украинец, русский, татарин, узбек, киргиз и белорус. «Если родные Лобаевича живы и здоровы – то поздравим, а если... что-то страшное – то поддержим молодого бойца», – подумал Агадил. К счастью, пожилые, страшно похудевшие, мать и отец оказались живы – бойцы нашли их в полуразрушенном, пропахшем гарью и порохом домике с невысоким палисадником Радости Лобаевичей не было границ. Когда все немного успокоились, седовласая женщина с слабым, дрожащим голосом обратилась к Агадилу: «Спасибо, сынок, за нашего Мишу, его поберегли!.. А у вас есть родители и где они?» «Есть мать. Она в Казахстане, мамаша», – ответил Агадил. «Ой, как вы издалека пришли, чтобы спасти нас!.. Матери передайте нашу благодарность, пожалуйста...»

Глубоко взволнованные этой неожиданной, необыкновенной встречей, стосковавшиеся по домашнему уюту, бойцы, вспомнив о своих родных, славно накормили родителей Михаила и даже не забыли про «наркомовские»... Агадил воспринял эти счастливые мгновения, как предвестие конца страшной трагедии, в которой оказались миллионы людей, как доброе знамение, обещающее скорую встречу с дорогими его сердцу людьми...

Но вскоре, через пару дней, во время короткой передышки между боями, пришло письмо от его школьного друга, бывшего пулеметчика Сулеймена Шильдебаева, который после Курско-Орловской дуги вернулся домой хромым инвалидом. Он сообщил страшную, печальную весть о том, что погибли уже около тридцати аулчан, в их числе их друзья – командир орудия Ашим Бекбосынов, помкомвзвода Бекжасар Жумагулов, сапер Есиркеп Казахбаев, кавалерист Абдиман Тольбасов и дядя их, бывшие председатели колхоза Байсак Тойбеков и Копбосын Капалбаев. Резко сжималось сердце, внутри все горело. Жгло. Горечь тяжелых потерь, нестерпимая жажда мести и беспредельная ненависть к врагу – все это превратилось в какую-то адскую смесь и обжигало его сердце. Особенно ненависть, которая разрасталась в груди как вулканический выброс. Такого чувства Агадил не знал прежде, оно в нем попросту отсутствовало, но только до первой смерти боевого товарища, до первой увиденной им сожженной дотла деревни... Нет, конечно, многое было ему ненавистно. Но особенно любая, даже самая маленькая несправедливость, от кого бы она ни исходила. Случалось, конечно, хотя и не часто, наводить порядок кулаками, особенно в интернате, когда сильные обижали слабых... Но все это ни что в сравнении с тем чувством, которое переполняло его в то время... На днях возле их позиций, откуда ни возьмись, появилось с полвзвода вражеских солдат и завязалась перестрелка. После скоротечного боя неприятель, не выдержав, бежал. Один из немецких солдат, поворачиваясь, стал поднимать обе руки. Но Агадил, вместо того, чтобы снять палец со спускового крючка своего автомата, еще крепче нажал на него. Да так, что полдиска всадил в грудь того рослого, крепкого сложения солдата в сером мундире... Ему почудилось, будто это он, именно он – убийца его друзей и родных...

О своих чувствах и размышлениях Агадил подробно писал Айтай, считая нужным, чтобы она, двадцатидвухлетняя девушка-коммунистка, недавно избранная партгоргом колхоза, больше знала о фронтовых делах, жизни бойцов и не ограничивалась газетными материалами и сухими совинформовскими сводками...

Отброшенные от Минска фашистские войска, пытаясь оказывать сопротивление на отдельных направлениях, отходили по всему фронту – на Шауляй, Каунас, Гродно, Белосток, Брест. Учитывая все последние изменения на театре военных действий, 4 июля Ставка Верховного Главнокомандования приказала после не-

обходимой срочной подготовки продолжить наступление, а 2-му Белорусскому фронту была поставлена задача отбить у врага Новогрудок, Гродно, Белосток. На долю 31-й армии выпала честь освободить старинный город Гродно, который являлся важным и крупным железнодорожным узлом. По донесениям армейской разведки и сведениям, полученным от партизан, враг во что бы то ни стало будет стараться удержать город. Мобилизовав все резервы и даже хозяйственные, санитарные части, немцы спешно сооружали укрепления. Но, несмотря на все это советские соединения метнулись в сторону Гродно как красные стрелы, наконецником одной из которых был 628-й Краснознаменный полк, после освобождения города названным Гродненским. К вечеру 16 июля первыми в город ворвались автоматчики отделения Суханбаева, в ходе боя захватив два орудия противника, уничтожив все расчеты, а также подавив несколько огневых точек на мосту через Неман... Радость горожан, спешивших навстречу своим освободителям, какими-то незримыми волнами переходила в сердце Агадила...

31 июля. 1944 год. На закате солнце 30 июля Агадил со своими бойцами, преследуя врага вышел из гущи Августовских лесов и оказался на небольшой поляне. А там, увидев полуистлевший указатель, на котором латинскими буквами было написано «Стежельцовизне – 2 км» Агадил радостно закричал:

– Товарищи, орлы мои! Мы на польской границе! Мы освободили нашу советскую Родину!..

Разгоряченные недавним боем солдаты, и даже раненные, со слезами на глазах бросились обниматься и салютовать автоматными очередями...

«Под утро поступил приказ о том, чтобы выбить противника из деревушки. По моему приказанию Агадил со своим отделением продвигается быстро по ржи во фланг противнику. Вот он уже приблизился к врагу и быстро, внезапно контратакует его. Фашисты не ожидали и стали отходить. Используя успех Суханбаева, рота поднялась вперед и контратаковала противника...

В отместку противник начал бомбить наши передовые позиции. После бомбежки пускает танки и пехоту. Ему удалось потеснить наши два подразделения. Моя рота остается одна на своем месте, а противник все нажимает и нажимает. Командир батальона приказывает контратаковать врага. Пошли в атаку. Агадил и здесь показывает себя героем, своим автоматом он метко косит фрицев, идущих за танками. Но противнику удается потеснить нас.

Мы отходим на новый рубеж. Уже стало светать. Здесь мы пополнили боеприпасы. Вскоре начинается снова бой. Агадил первым врывается в траншею врага со своим отделением. Используя его успех, рота восстанавливает положение. Подошло подкрепление. Снова начинается бой. Противник откатывается.

Занимаем исходные положения для нового наступления у озера.

Получаю задачу форсировать озеро первым. Агадил первым заготовил плоты для отделения. Ждет сигнала. Начинаем форсировать. Агадил спускает плоты на воду и дает команду: «На плоты, оружие держать наготове».

Сам садится с пулеметным расчетом в лодку. Когда достигли середины озера, противник начал обстреливать из пулеметов и артиллерии. Агадил командует:

– Сосредоточить огонь по пулемету противника.

Пулемет врага замолчал. Пользуясь успехом Суханбаева, переправляется вся рота. Наша рота принимает бой и ведет его с упорством до тех пор, пока не переправилась вся часть.

Вскоре подошли к деревне Стежельцовизне... Полк по тревоге поднялся на марш. Агадил снова впереди. Вскоре настигли врага. Он обстрелял наши подразделения.

Полк развернулся для боя. Прошла быстрая схватка и противник был выбит на противоположный берег ручья, мы не заняли выгодные позиции.

Я получаю задачу переправляться через ручей и разведать силу и технику противника. Посылаю Агадила с отделением выполнить эту задачу. Агадил полностью выполнил поставленную задачу.

Прошло немного времени – получаю новую задачу: переправиться первым, завязать бой и дать возможность переправиться всему полку.

Рота стала переправляться. Суханбаев переправился первым. Противник сосредотачивает сильный пулеметный и минометный огонь. Рота переправилась, не взирая на действия противника. Завязался бой, правый фланг имеет успех, потому что действовал умело используя кусты. Агадил не имеет успеха. Он действовал на открытой местности, на левом фланге. Агадил три раза поднимал отделение в атаку, но пулемет противника не давал возможности продвинуться.

Вот Агадил еще раз командует:

– Встать, броском вперед!..

И сам первым устремился на врага. В этот момент его ранило в левую руку, Он берет гранату, вытаскивает чеку зубами и бросает гранату. Граната ударяется о дерево. Пулемет врага продолжает работать. Он берет вторую гранату. Его ранило во вторую руку – в правую. Граната упала к ногам. Агадил уже вплотную приблизился к вражескому пулемету. Здесь он не стал задумываться. Он бросается на вражеский пулемет. Только и услышали дошедшие слова: За Ро-одину!..

...Когда бой стих, нашли и Агадила. Он лежал на пулемете...»

Так вспоминал спустя многие годы командир второй роты старший лейтенант Петр Корсаков. А тогда целый день бились наши бойцы с хорошо укрепленным врагом под громогласный клич «За Родину! За Сталина! За Суханбаева!..»

Вечером в большой братской могиле схоронили павших бойцов. Среди них был Агадил. После троекратного ночного салюта подул сильный западный ветер, зашумел израненный артиллерийским огнем и бомбовыми ударами августовский лес. А затем, смывая с лиц солдат кровь и пот, пошел проливной теплый дождь. Теплый, неустойчивый, словно слезы людские...

Так закончил свой двадцатичетырехлетний жизненный путь наш Агадил-ага, как некоторые звезды заканчивает путь свой в один миг, расчертив половину небосвода...

Спустя неделю в полк поступил приказ командующего 31-й армией генерал-полковника Глаголева. В нем говорилось, что Героя Суханбаева со всеми воинскими почестями следует перезахоронить в ближайшем советском городе. Этим городом оказался Друскининкай в Литве. Тогда перед полковым строем Михаилу Лобаевичу был вручен агадиловский автомат ППШ №2811, и он поклялся бить врага, как Агадил. Солдат сдержал свое слово: он дошел до Берлина и свой автомат-галисман сберег, выстрелив из него в последний раз 1 мая 1945 года. В тот день младший белорусский брат Агадила Михаил Лобаевич погиб... А автомат как реликвия был сдан на хранение в Центральный музей Вооруженных Сил СССР. (Он и ныне там, в суханбаевском уголке, хотя в конце 90-х годов я, будучи депутатом Парламента РК, дважды обращался к начальнику музея о передаче этого оружия в Казахстан).

28 марта 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Агадилу Суханбаеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. А родной народ оценил его подвиг еще раньше: сразу после его гибели колхоз «Карасу» и школа, где он учился, стали носить имя Суханбаева. Чуть позже гродненцы назвали его именем одну из главных улиц города, а в Друскининкае открыли небольшой музей... Затем появились улицы в Джамбуле, Алма-Ате, Михайловке...

А Тойтан-апа до самой своей кончины не верила в смерть любимого сына. Она ждала. Ждала великим материнским сердцем... А оно, видимо, создано Всевышним так, чтобы у матерей никогда не было мертвых детей...

31 июля. 1974 года. Литва, Друскининкай. Воинское кладбище на восточном берегу маленького красивого озера Друсконис. Могила Агадил-ага была покрыта густорастущими огненно-красными цветами. На гранитной плите надпись: «Герой Советского Союза Агадил Суханбаев. 1920-1944 гг.». Мы пришли в сопровождении местных партийных и советских работников. Мы – это делегация Тараза, прибывшая сюда специально в связи с 30-летием подвига Суханбаева, чтобы возложить венки и насыпать на могилу героя горсть земли, взятую с могилы его матери Тойтан-апа, – ветераны войны Умирали-ага Биторсыков, парторг Михайловского кирпичного завода Валентина Романенко, замредактора Свердловской райгазеты Кабылбек Кулаисов и я, молодой тогда еще журналист, завотделом областной газеты «Енбек туу». Тогда я подумал, этой встречи они ждали ровно тридцать лет, мать и сын, и наконец соединились!.. Мне казалось, что я из взрослого мужчины каким-то чудом превращаюсь в малыша, которого часто носили на руках мой старший брат Ашим и Агадил-ага, едва ли не каждый день приходивший в дом своего друга. И я начал мысленно разговаривать с ним: «Моя мать Теберик рассказывала, как вы перед уходом в армию, поцеловав в лоб меня, спящего малыша, благословили: «Будь большим жигитом, дорогой!». И вот я пришел, чтобы поклониться вам, родной Агадил-ага!.. Вы слышите меня?.. Или вы превратились в белого журавля?..

Вы же, после ранения обеих рук, могли с чистой совестью и чувством исполненного долга возвратиться в родные края. Разве мало было тех, кто вернулся покалеченным, безрукими, безногими инвалидами? Их ведь никто не осуждает за это, они окружены заботой и уважением. Да и вы могли бы вернуться, жениться на своей невесте, прекрасной лунолицкой Айтай, которая не намного пережила вас, могли бы иметь детей и трудиться по возможности... Но в решающий момент вы поступили иначе. Почему? Что тогда озарило, как молния, ваше сознание, вашу душу и, наконец, ваше пламенное сердце, которое через секунды изрешетили пули врага? Любовь к Родине? Безусловно... Желание оградить от смерти своих боевых товарищей? Да, конечно... Желание отомстить за павших? Вполне возможно... Чувство чести и достоинства? Должно быть... А, может, немеркнущая слава и подвиги наших предков?!... Да, все эти чувства переплелись в вашем сердце и слились воедино. Этот густок чувств, мыслей и воли толкнули вас на решительный шаг, и, быть может, в тот момент единственно верный... Смертию смерть поправ, в памяти благодарного народа вы обрели бессмертие, Агадил-ага!

Слезы упали на горсть темной песчанистой земли, которую я, взяв с могилы, начал сыпать в мешочек, чтобы потом смешать с землей на могиле Тойтан-апа...

* * *

31 июля. 2004 года. 60 лет со дня гибели Агадил-ага. Перед утренним чаем читал суру «Ихлас» из священного Корана, посвятив ее духу Героя. Затем, дозвонившись до акима области Борибая Жексембина, как экс-депутат Парламента, попросил аудиенции. Он не отказал.

– Сегодня ровно 60 лет со дня гибели Агадила Суханбаева... – сказав я.
 – Знаю. Да будет земля пухом нашему Герою, – быстро ответил аким.
 – Тогда... давайте немного поэксплуатируем его, – шутливым тоном сказал я.
 – Каким образом?.. – удивленным взглядом впился в меня Борибай Бигожаевич, чуть заметно улыбнувшись.

– В деле патриотического воспитания молодежи, да и всех.

Сказав это, я изложил основную мысль: накануне 60-летия Победы было бы хорошо поставить на площадке у горвоенкомата памятник Суханбаеву. Модель скульптуры, изготовленный Сейткеримом Момышем, очень трогательна, заставит любого задуматься. Такое произведение будет обязательно «работать». Во-вторых, соорудить памятник такого рода – долг нынешних поколений...

– Убедили. Будем заниматься, – внимательно выслушав меня, коротко сказал аким и сделал какие-то записи в свою толстую рабочую тетрадь...

Памятник Герою Советского Союза А. Суханбаеву 30 апреля 2005 года в торжественной обстановке открыл Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев.

31 июля. 2014 года. День памяти Агадил-ага. 70 лет как его нет на этом безграничном белом свете... Доброй традицией общественности города Тараза стало в этот день собираться у памятника ему на траурно-торжественный митинг, море цветов в этот день у подножия памятника.

...Мне не совсем здоровилось. Но все-таки я решил идти. «Ведь это мой святой долг, – подумалось мне. – Наверняка, среди сотен людей я буду единственным, кого три четверти века тому назад благословил Агадил-ага... Да, это мой святой долг. И мы все, пожилые и молодые, должны с благодарностью вспоминать их, защитников нашей свободы и Родины.

– Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей... –

Так писал великий Расул Гамзатов. И я, простой раб божий, верю в это...

.....
.....
В мае 2015 года отмечают:

50-летие

Амантай ШАРИП, *поэт*

60-летие

Канат КАЙЫМОВ, *прозаик*

70-летие

Мархабат БАЙГУТ, *прозаик*

80-летие

Оразакын АСКАР, *поэт*

Досан ЖАНБОТА, *прозаик*

**Редакция журнала «Простор»
сердечно поздравляет юбиляров!**

